

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3005](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3005)

Е. В. Тыканова

**(НЕ)ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ИСХОД:
МНОЖЕСТВЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ**

Правильная ссылка на статью:

Тыканова Е. В. (Не)противоречивый исход: множественные результаты деятельности городских общественных движений в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 200—222. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3005>.

For citation:

Tykanova E. V. (2025) (Non)Contradictory Outcome: Multiple Results of Urban Movements in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 200—222. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3005>. (In Russ.)

Получено: 26.04.2025. Принято к публикации: 20.08.2025.

(НЕ)ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ИСХОД: МНОЖЕСТВЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ

ТЫКАНОВА Елена Валерьевна — кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий сектором социоурбанистики, ведущий научный сотрудник, Социологический институт Российской академии наук — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: elenatykanova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>

Аннотация. Статья посвящена анализу сочетаний результатов и последствий деятельности городских локальных движений в России с точки зрения конечного исхода конфликта: удалось ли активистам добиться отмены градостроительного проекта или же он был реализован.

Теоретико-методологическими основаниями работы выступают подходы социологов общественных движений (У. Гэмсон, Ч. Тилли, Э. Аменты, Д. Макадам, М. Джуни и пр.), обсуждающих исходы, результаты и последствия конфликтных взаимодействий. В частности, рассмотрены «внешние» (воздействие на другие общественные сферы) и «внутренние» (биографические) последствия. Предметом исследовательского интереса выступают ожидаемые и непредвиденные результаты деятельности городских общественных движений, которых им удалось достигнуть в синхронной и диахронной перспективе. Отдельное внимание уделено изучению распределения полученных результатов и последствий между вовлеченными в городской конфликт акторами.

(NON)CONTRADICTIONARY OUTCOME: MULTIPLE RESULTS OF URBAN MOVEMENTS IN RUSSIA

*Elena V. TYKANOVA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Deputy Director on Science; Head of Urban Studies Department; Leading Researcher
E-MAIL: elenatykanova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>

¹ The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract. The paper analyzes various combinations of the results and consequences of the agency of urban local movements in Russia, depending on the outcome of each conflict: whether the activists have managed to instate the cancellation of an urban development project, or whether the project has been implemented.

Theoretically, the research draws on approaches from social movement studies (W. Gamson, C. Tilly, E. Amenta, D. McAdam, M. Giugni, etc.), which provide insights into the results, outcomes, and consequences of contentious interactions. In particular, the author considers the «external» outcomes, i.e., how the efforts of initiative groups impact other social realms, and the «internal» outcomes, i.e., how participation transforms activists' biographies. The paper presents both the expected and unforeseen outcomes of urban social movements' efforts through a combination of synchronic and diachronic analysis. Special attention is paid to the distribution of the discovered results and consequences across various actors involved in urban conflicts.

Эмпирическими материалами исследования служат 18 кейс-стади градостроительных споров в шести городах-миллионниках России, в рамках которых были получены полуструктурированные интервью с участниками конфликтного взаимодействия, а также экспертные интервью. Анализ эмпирических данных демонстрирует, что минимальное количество изученных случаев можно отнести к однозначному «успеху» или «провалу» активистов. Спектр результатов и последствий российских городских споров, закончившихся отменой градостроительного проекта, включает сочетание «успеха» (1) с потенциальными угрозами устойчивости достигнутого исхода в диахронной перспективе; (2) спорами внутри активистских команд вокруг улучшений оспариваемого городского объекта; (3) неоднозначным или негативным влиянием полученного исхода на городской объект в будущем. Ряд случаев, закончившихся реализацией планируемого проекта, сочетают формальный проигрыш (1) со сделанными в пользу активистов или городских групп уступками; (2) ситуативной победой или получением выгод некоторыми городскими группами или частью активистских команд.

Вне зависимости от исхода городские конфликты могут сопровождаться иными прямыми или косвенными последствиями. К ним относятся: включение инициативной команды в общегородскую сеть, влияние на развитие профессиональных и иных групп, просвещение граждан, положительное или негативное воздействие на биографии активистов, городскую повестку, а также сопряженные кейсы. Институциональная кооптация активистов, ранее оцениваемая социологами как сугубо положительный результат и свидетельство признания группы, имеет неоднозначную для бывшего активиста и градозащитного движения природу.

The empirical materials for this research include 18 case studies of urban development conflicts in six Russian million-plus cities, where semi-structured interviews with different participants of contentious interactions and experts were conducted. The analysis of empirical data demonstrates that only a few cases under study can be classified as unambiguous «successes» or «failures» of the activists. In some further cases where the development project was cancelled, the formal «success» was combined with: (1) potential threats to the sustainability of the achieved outcome from a diachronic perspective; (2) disagreement within activist groups over the desired improvements of the contested urban object; and (3) ambiguous or negative impacts of the achieved outcome on the urban object in the future. In several cases where the project was implemented, the formal defeat was combined with: (1) concessions made to activists or urban groups; (2) a situational victory or benefits received by some urban groups or parts of activist communities.

Regardless of the outcome, urban conflicts can be accompanied by other direct or indirect consequences such as the scaling of the initiative group, development of professional communities, and citizenry enlightenment, as well as positive or negative impacts on activists' biographies, city agendas, and related cases. The institutional co-optation of activists, previously assessed by sociologists as an invariably positive result and as evidence of the groups' recognition, is actually of an ambiguous nature both for the former activists and for the city protection movements at large.

Ключевые слова: градостроительные конфликты, городское движение, исходы городских движений, результаты городских движений, последствия деятельности городских движений

Keywords: urban development conflict, urban movement, outcomes of urban movements, results of urban movements, consequences of urban movements activities

Введение

Около 16—17 % всех общественных протестов в российских городах связаны с градостроительными конфликтами, когда жители выступают против строительных или архитектурных проектов [Семенов, Минаева, 2021: 23]. Причинами низкой городской мобилизации становятся уплотнительная застройка, вырубка зеленых насаждений, строительство в природных зонах — как в городских скверах, так и в крупных парках и лесных массивах, — и в целом различные угрозы экологической безопасности городов (загрязнение рек, засыпка озер, возведение инвазивных производств, сброс и накопление в городских ареалах мусора) и пр. Между тем отнесение городского конфликта к какой-то одной тематике нередко вызывает затруднения. Такие споры¹ часто имеют комплексный, смешанный характер: например, уплотнительная застройка может угрожать разрушением близлежащим зданиям со статусом объекта культурного наследия (ОКН), а строительство крупной магистрали — усиливать шум и загрязнять городские территории.

Подобные конфликты нередко становятся предметом исследования в отечественной социологии. Российские ученые изучают динамику городских споров [Белоусов, Давыдов, 2024], последовательность связанных между собой событий в конфликтных эпизодах [Семенов, 2024], «триггеры», вызывающие их [Скалабан и др., 2023], стратегии взаимодействия вовлеченных участников [Глухова и др., 2021] и пр. Как правило, цель таких инициатив — отмена предполагаемого вмешательства в городскую среду и поддержание status quo, то есть сохранение объекта или фрагмента городской территории в его первоизданном виде.

Участие граждан в градостроительных конфликтах имеет ощутимую эффективность: треть подобных споров в крупных российских городах завершается полным удовлетворением требований жителей. Еще в трети случаев активисты достигают частичной реализации оспариваемого проекта — власти предоставляют уступки или вносят в проект изменения различной степени значимости [Семенов, Минаева, 2021: 32—33]. Впрочем, распределение «успехов» и «неудач» зависит от тематики проектов [там же], политической конфигурации в городах [Белоусов, Давыдов, 2021; Галустов, 2023; Аксенов, Галустов, 2023] и в целом от структуры политических возможностей — степени респонсивности властей к требованиям граждан [Семенов, Снарский, Ткачева, 2024] и времени протестной активности [Белоусов, Давыдов, 2021]², а также может быть неравномерным от города к городу [Семенов, Минаева, 2021]. Достижение или недостижение артикулируемой

¹ Понятия «городской спор», «локальный спор», «конфликтный эпизод», «городской конфликт», «конфликтное взаимодействие» и «градостроительный конфликт» в данной статье используются как синонимичные.

² С 2014 г. «эффективность» локальных протестов возрастает.

городским общественным движением³ цели можно квалифицировать как «успех» или «проигрыш» соответственно. В первой ситуации члены активистских команд добиваются (или же к этому приводит сочетание иных, внешних факторов) того, что их оппонент вынужден отказаться от реализации проекта. Тогда как в ситуации «неудачи» градостроительные планы в той или иной мере воплощаются.

Исходы локальных споров порой сложно квалифицировать только с точки зрения достижения формально поставленной цели активистов, а именно наличия или отсутствия трансформации оспариваемой территории. Как показывают интервью с участниками конфликтов, даже случаи, казалось бы, безоговорочной победы активистов — когда им здесь и сейчас удалось отбросить исполнение нежелательного проекта, — не всегда оцениваются ими однозначно. Так, победа может быть достигнута чрезмерными усилиями, а полученный результат в долгосрочной перспективе может иметь негативные последствия для объекта (например, когда сохраненное здание остается без использования и постепенно разрушается). Участие в успешной низовой инициативе по поводу городского развития может иметь неоднозначные или даже негативные последствия для самих активистов. Отсутствие единства среди участников движения относительно целей и желаемого результата их деятельности дополнительно усложняет анализ исходов городских конфликтов.

С опорой на теории социологии общественных движений, обсуждающие исходы деятельности таких низовых инициатив, в данном исследовании предпринята попытка проанализировать сочетания (не)предвиденных результатов и последствий деятельности городских локальных движений в России. Они будут рассмотрены в зависимости от того, удалось ли активистам добиться отмены обсуждаемого проекта или же проект был полностью или частично реализован. В первом случае этот исход будет квалифицироваться как «победа» или «успех», во втором мы можем говорить о «поражении» или «проигрыше». Данный аспект на данный момент еще не рассматривался на материалах российских городских конфликтов.

Структура статьи следующая: сначала приведен обзор теоретических подходов к изучению исходов общественных движений. С опорой на данный теоретический аппарат сформулированы цель и задачи исследования. Далее дана характеристика имеющегося массива эмпирических материалов, а также методов их анализа. После чего представлены результаты изучения последствий городских конфликтов в зависимости от их конечного исхода. В заключении предложены ключевые выводы, а также описаны ограничения и перспективы исследования.

Теоретические подходы к изучению исходов общественных движений

Общественные движения стремятся добиться определенных выгод, пытаясь повлиять на решения влиятельных акторов. Исследователи гражданской активности по-разному называют этих акторов: инкумбентами или доминирующими игроками

³ Городское общественное движение — это консолидированная группа горожан, объединенных публичной деятельностью по предъявлению к их оппонентам претензий, связанных с трансформацией городских пространств. Изученные городские общественные движения в редких случаях являются зарегистрированными юридическими лицами (например, в форме попечительских советов парков или иных НКО). В большинстве случаев они представляют собой стихийно формируемые вокруг градостроительного эпизода группы. Городские общественные движения могут использовать методы публичной (в том числе протестной) активности, но не ограничиваются только ими. В частности, они способны прибегать к формальным инструментам отстаивания своего видения городского пространства: обращаться в суды и другие официальные инстанции.

[Fligstein, McAdam, 2011], доминирующими силами [Amenta, Andrews, Caren, 1992], власть имущими [Tilly, 1999] и т. д. Участники общественных движений заняты тем, что планируют и координируют совместные действия, создают альянсы, вступают в противостояние с конкурентами, мобилизуют своих сторонников, работают над созданием коллективной идентичности, ищут ресурсы, занимаются лоббированием для решения коллективных задач, ведущих к цели движения [ibid.: 260].

Каковы желательные исходы активности общественных движений? В своей работе «Стратегия социального протеста» (1975) У. Гэмсон указывает на два таких важнейших для активистской группы результата: «принятие» — признание участников движения доминирующими акторами в качестве легитимных лиц — и «новые преимущества» в форме выгод для социальной группы, от лица которой выступают инициаторы общественного движения [Gamson, 1975: 33]. У. Гэмсону вторят Дж. Мировски и К. Росс, которые отмечают, что протестная группа способна достичь двух видов «успеха»: во-первых, реализовать поставленную перед командой цель — «достижение цели», во-вторых, быть признанной антагонистом в качестве легальных представителей мнения той или иной группы — «признание» [Mirowsky, Ross, 1981: 177—178].

Активисты зачастую публично артикулируют свои цели, что позволяет нам делать вывод, достигло ли общественное движение «успеха» или его постигла «неудача». Однако сложности с определением и оценкой конечных результатов деятельности общественного движения могут быть связаны с тем, большую роль в стимулировании тех или иных событий и действий имеет активность оппонентов и других, в том числе третьих, сил [Amenta, Young, 1999: 22—23]. Для разрешения этой проблемы Э. Аmenta и М. Янг предлагают сосредоточиться на (не)достижении социальным движением коллективных благ, а именно групповых преимуществ, из которых нельзя исключить неучастников движения. Таким образом, чем больше коллективная выгода, полученная от разрешения социальным движением проблемы, тем значительнее его благоприятное воздействие. Так, активистские команды могут не выполнить заявленную программу (и поэтому будут считаться неудачниками), но при этом получить значимые коллективные выгоды для той группы, интересы которой они представляют. Возможна и обратная ситуация, когда коллективные блага в результате деятельности общественного движения еще больше сокращаются по отношению к тому состоянию, которое было до непосредственного вмешательства активистов [ibid.: 24—25]. Взяв за основу классификацию У. Гэмсона, Э. Аmenta и коллеги выделяют уровни, согласно которым можно оценить «успех» общественного движения в зависимости от сочетания факторов (не)признания движения оппонентом и (не)получения им групповых выгод. Признание группы вкупе с получением выгод обозначается как «трансформация претендента». Под претендентом (англ. — *challenger*) авторы понимают актора, занимающего миноритарную позицию по отношению к доминирующим группам, в данном случае — общественное движение. Ситуация, в которой движению не удается добиться признания оппонента или государства, но оно получает выгоды, — это «уступка» или «упреждение». Признание без групповых выгод обозначается как «кооптация». Недостижение активистами признания в отсутствие выгод — это полная их «неудача» или «коллапс» [Amenta, Carruthers, Zylan, 1992: 310—311].

Дополнительные сложности в изучении работы активистских команд связаны с тем, что нередко достигнутый «успех» не всегда оценивается ими одинаково. Участники активистских команд и внешние наблюдатели могут иметь разные представления о том, что считать «успехом», одно и то же действие может быть расценено одними членами группы как успешное, а другими — как провальное [Giugni, 1998: 383].

Хотя лидеры общественных движений обычно организуют свою публичную отчетность вокруг объявленных целей, существует большой спектр непредвиденных эффектов, которые возможно квалифицировать как результаты деятельности инициативных групп [Tilly, 1999: 268]. Помимо четко артикулируемых и ожидаемых результатов в виде исполнения требований, важно учитывать ряд побочных эффектов участия активистов в борьбе за блага, которые можно определить с помощью более широкого термина «последствия» [Giugni, 1998: 385]. Как показывают Л. Боси и К. Уба, результаты деятельности общественного движения, как краткосрочные, так и долгосрочные, относятся к модификации различных сфер общественной жизни, что является либо запланированной, либо непреднамеренной целью активистской группы [Bosi, Uba, 2009: 409]. Чаще всего социальные ученые исследуют влияние общественных движений на политическую сферу [Giugni, 2008: 1583], в частности, изучаются изменения в политике, законодательстве, политических институтах и режимах или в действиях, предпринимаемых политическими партиями [Bosi, Uba, 2009: 409]. Меньше исследовательского внимания уделяется результатам деятельности активистов в культурной сфере, связанным с изменениями в ценностях и идеях общества, развитием новых культурных продуктов и практик, формированием коллективной идентичности и субкультур [ibid.: 409—410]. Рассматривая культурные последствия деятельности общественных движений, Э. Амента и Ф. Полетта отмечают, что активисты могут менять образ жизни и поведение людей. В результате одни практики становятся привлекательными и социально одобряемыми, тогда как другие, напротив, начинают восприниматься как неприемлемые [Amenta, Polletta, 2019: II-2].

Важной областью исследования последствий работы общественных движений становится изучение того, как их деятельность влияет на биографии активистов [McAdam, 1989; Bosi, Uba, 2009]. Между тем, как замечают Ф. Пэсси и А. Монч, такие биографические последствия могут затронуть общество в целом, поскольку, во-первых, активисты взаимодействуют с теми, кто ими не является, во-вторых, эти последствия сказываются на бенефициарах движения. Таким образом, биографические последствия выходят за рамки влияния на личную жизнь активиста и включают влияние на культуру [Passy, Monsch, 2019: 499]. Опыт участия в общественных движениях кооптированных активистов может также оказывать влияние на действия органов власти, в которые они были имплементированы [Giugni, Bosi, Uba, 2013: 6].

Общественные движения могут не достичь поставленных целей, но в то же время способны добиваться реальных успехов в других важных областях борьбы, например, повысить осведомленность граждан и завоевать внимание общественного мнения, получить доступ к формальным политическим институтам и обеспечить соблюдение законов [Gupta, 2009: 417]. В этом случае биографические послед-

ствия для участников, а также влияние результатов их деятельности на трансформацию структуры самой активистской группы, согласно типологии Дж. Эрл, можно отнести к «внутренним» результатам движения, тогда как политические и культурные изменения — к «внешним» [Earl 2000: 3].

Опираясь на обзор исследований, посвященный изучению исходов активности инициативных команд⁴, можно предположить, что результаты, к которым приходят активисты, вовлеченные в деятельность городских движений, не всегда являются предвиденными, ожидаемыми и однозначными и, скорее всего, имеют комплексную, сочетанную природу. Они могут быть способны привести к значимым последствиям как для оспариваемой территории, самих активистов, затрагиваемого проектом городского сообщества, так и, например, для формирования дальнейшей городской повестки и политики в целом.

Цель и задачи

Цель данной статьи — определить, какие сочетания результатов и последствий возникают по итогам деятельности общественных движений, протестующих против градостроительных проектов в российских городах-миллионниках. Итог конфликта определяется тем, был ли реализован спорный проект: удалось ли активистам добиться его отмены («победа») или проект был осуществлен вопреки их усилиям («поражение»). Для достижения этой цели необходимо решить комплекс задач:

1) определить результаты активности городских общественных движений, в том числе сопутствующие (не)предвиденные «внешние» и «внутренние» последствия городских конфликтов;

2) рассмотреть типы достигнутых результатов в синхронной (здесь и сейчас) и диахронной (динамической) перспективе;

3) выявить характер последствий и результатов городских конфликтов для различных групп, которые вовлечены в спорное взаимодействие или находятся на оспариваемой территории.

Важно подчеркнуть, что в наши задачи не входит объяснение причин или факторов, приведших к тем или иным исходам конфликтного взаимодействия в градостроительных спорах.

Данные и метод

Эмпирическими материалами исследования служат 18 кейс-стади окончившихся (то есть имеющих артикулируемый исход) городских конфликтов, связанных с уплотнительной застройкой, сносом зданий, вырубкой зеленых насаждений, строительством крупных инфраструктурных объектов и прочими подобными случаями, в шести российских городах-миллионниках: Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Самаре, Новосибирске и Казани.

В Москве были изучены городские конфликты вокруг демонтажа и переноса Шуховской башни, частичной вырубки Березовой рощи, строительства Северного дублера Кутузовского проспекта; в Санкт-Петербурге — строительства храма в парке Малиновка, строительства Западного скоростного диаметра (ЗСД) над

⁴ Понятия «городское общественное движение», «инициативная группа», «инициативная команда» используются в данной статье как синонимичные.

Канонерским островом, сноса Блокадной подстанции; в Казани — трассировки магистрали и застройки в Горкинско-Ометьевском лесу, сноса Арских казарм, засыпки озера Харовое и возведения на его месте паркинга, строительства высокоскоростной магистрали (ВСМ) в п. Октябрьский, Лебяжий и заповедной лесной зоне; в Нижнем Новгороде — сноса купеческих особняков на ул. Ильинской, строительства аквапарка в Автозаводском парке, расширения Молодежного проспекта, благоустройства парка «Швейцария»; в Самаре — сноса зданий в усадьбе Зеленко, строительства здания суда на пересечении пр. Ленина и ул. Осипенко, застройки в лесопарке им. 60-летия Советской власти; в Новосибирске — строительства на прилегающей к лицу № 22 «Надежда Сибири» территории высотного здания, вырубки зеленых насаждений, сноса клуба «Отдых» и Дома спорта на ул. Богдана Хмельницкого. 17 рассмотренных кейсов городских конфликтов зародились и закончились в интервале с 2012 по 2018 г. Оспаривание реконструкции парка «Швейцария» фактически закончилось в 2023 г. Изученный спор по поводу проекта запрета автомобильного движения по ул. Ленина в Новосибирске был исключен из качественной выборки в связи с повторным возникновением конфликта и, вследствие этого, отсутствием артикулированного исхода взаимодействия. Период сбора интервью: с 2018 г. по 2023 г.

Перечисленные случаи были отобраны для проведения кейс-стади по причине их соответствия нескольким характеристикам. В частности, они соотносятся с ключевыми тематиками возникновения городских конфликтов в России: сохранение зеленых зон и поддержание экологической безопасности территорий, защита историко-культурного наследия и сопротивление возведению объектов инфраструктуры [Семенов, 2019]. В каждом городе отобранные случаи имели различные итоги в зависимости от степени изменения спорной территории: градостроительный проект был реализован полностью, осуществлен частично или отменен. Важными критериями отбора случаев также служили значительная продолжительность конфликта и разнообразие вовлеченных участников.

Коллекция эмпирических данных включает полужформализованные интервью с непосредственными участниками спорного взаимодействия ($N = 83$) (активистами, чиновниками, журналистами, экологами, архитекторами, политиками и пр.), а также интервью с экспертами, посвященные особенностям развития территорий в каждом изученном городе ($N = 23$). В число экспертов вошли представители градозащитных и экологических НКО и общественных объединений, городские активисты с продолжительным стажем участия в городских спорах, преподаватели вузов и научные сотрудники институтов — специалисты в области экологии и городского развития, а также исследователи городских конфликтов, сотрудники проектных институтов, связанных с развитием городской среды, муниципальные, городские и региональные депутаты, городские и региональные чиновники, сотрудники региональных отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). Критерием отбора экспертов выступили частота их упоминания в СМИ, профиль их профессиональной деятельности, а также рекомендации экспертов, с которыми уже состоялось интервью.

Все полученные данные были подвергнуты открытому и осевому кодированию в программном обеспечении Atlas.ti 9 edition.

Городские споры, закончившиеся отменой градостроительного проекта

В данном разделе рассмотрим случаи городских конфликтов, которые имеют общий критерий: они окончились отменой реализации обсуждаемого проекта де-велопмента территории.

Полный «успех» при отсутствии прямых издержек

Лишь один случай можно считать полной победой активистов — конфликт вокруг потенциальной застройки Автозаводского парка в Нижнем Новгороде. Инициативной группе удалось выиграть ключевое судебное разбирательство, в результате которого парк был признан объектом, имеющим историко-культурную ценность, а строительство на его территории дополнительных объектов было запрещено.

Там, самое главное, были суды, которые в итоге дали возможность выиграть. Потому что девчонки собирали деньги и нашли очень хорошего адвоката, долго судились и в итоге выиграли. (Э1, ж.⁵, Нижний Новгород)

Активисты оценивали такой исход взаимодействия как крупную и даже необъяснимую «удачу» ввиду того, что застройщик уже имел утвержденный проект и вложил в разработку территории собственные инвестиции. Случай Автозаводского парка был успешен для городского общественного движения и в диахронной перспективе — была запущена программа благоустройства территории в соответствии с ее статусом ОКН.

На сопредельной территории впоследствии произошел градостроительный конфликт по поводу расширения ведущего к аэропорту Молодежного проспекта. Ключевая активистка, которая инициировала судебные разбирательства в случае защиты Автозаводского парка, перенесла свой опыт и экспертизу в инициативную группу, выступавшую против реновации проспекта, и настаивала на приоритете оспаривания проекта именно на формальных аренах (что привело к «успеху» в предыдущем кейсе). Судебные тяжбы по поводу Молодежного проспекта были проиграны, тогда как активисты оценили действия своего лидера как несостоятельные.

Можно сделать вывод, что успешный во многих отношениях случай в Автозаводском парке не имел прямых издержек для оспариваемого пространства, городского движения или районного сообщества. Тем не менее в диахронной перспективе мы наблюдаем косвенные издержки в виде побочных эффектов в случае сопряженного кейса.

«Успех» в сочетании с неустойчивостью конечного исхода в будущем

Ряд изученных случаев завершился удовлетворением требований участников городских движений, однако достигнутые результаты остаются нестабильными. Активисты либо субъективно не уверены в сохранении полученного итога, либо указывают на объективные факторы, которые могут его изменить в будущем.

⁵ Здесь и далее в подписях к информантам будут применяться сокращения: Э — эксперт, А — активист, ж. — женщина, м. — мужчина.

Так, активисты, протестовавшие против трассировки высокоскоростной магистрали (ВСМ) через их поселения и лесные массивы под Казанью, простимулировали перенос магистрали в проектом решении:

И да, люди добились того, чтобы не стали их выселять. А от природных территорий — тоже трасса их обошла. (А1, м., Казань)

В дальнейшем реализация этого амбициозного проекта, который бы соединял Санкт-Петербург, Москву, Казань и Екатеринбург, вне зависимости от действий активистов была отложена федеральными чиновниками. Таким образом, остается возможность возрождения проекта, в том числе с риском обнуления уже достигнутых с активистами договоренностей о переносе трассы.

Члены инициативной группы, выступавшие за отмену строительства здания суда на месте сквера на пересечении пр. Ленина и ул. Осипенко в Самаре, смогли достичь требуемого исхода — проект был отменен, результат можно квалифицировать как «успех». Между тем активисты видят угрозу стабильности результата в федеральном статусе собственности на землю, который в будущем может угрожать возникновением нового проекта застройки.

Потому что этот кусок земли, он как находился в федеральной собственности, он так и находится в федеральной собственности. И когда собственник примет какое-то решение, построить там здание суда или не здание суда, все равно — рано или поздно — это строительство, оно начнется когда-то. (А3, ж., Самара)

Впрочем, смена собственника с федерального на муниципального также не может предоставить, по мнению активистов, никаких гарантий, что оспариваемая территория в будущем будет защищена от девелопмента:

...Потому что как захочет муниципальная власть в будущем распорядиться участком этим, мы не знаем. (А4, ж., Самара)

Защитникам удалось добиться отмены проекта сноса зданий в усадьбе Зеленко в Самаре. Побочный результат такого исхода заключается в том, что жильцам пришлось взять на себя обременение в виде проведения ремонтных работ строений, в том числе фасадов, за собственный счет. Ключевая активистка данного движения приобрела обширный опыт в области городского историко-культурного наследия, что позже позволило ей занять должность председателя местного ВООПИиК, а также консультировать активистов из других инициативных групп. Тем не менее положительный для активистов исход не воспринимается ими как стабильный и защищенный. С юридическими основаниями, а именно с перспективным статусом земельного участка, связаны переживания защитников усадьбы о потенциальной застройке участка той же строительной фирмой в будущем: «...Мы-то понимаем, что за межеванием земли, как только в его интересах она размежуется, дальше он может без нашего согласия строить» (А5, ж., Самара).

Со статусом земельного участка были связаны опасения и защитников лесопарка им. 60-летия Советской власти в Самаре по поводу сохранности территории от проектов коммерческого строительства. Активисты настаивали на признании парка зоной, имеющей наивысший охранный статус и не допускающей в нем никаких видов капитального строительства (Р-4). Между тем городские чиновники выступали в пользу статусов, позволяющих высоко инвазивные формы вмешательства на территории. В конечном итоге лесопарковой зоне был присвоен статус Р-3 (зона природных ландшафтов), позволяющий некоторые виды трансформации территории.

В качестве потенциально неустойчивого активисты классифицируют и конечный исход городского конфликта вокруг постройки храмового комплекса в парке «Малиновка» в Санкт-Петербурге.

Им неинтересно уступить воле, как они говорили, кучке активистов ангажированных. Уступить воле людей, людям нужен парк, а им нужна стройка. Они не могут уступить. (А7, ж., Санкт-Петербург)

Важным последствием действий участников команды в защиту «Малиновки», на протяжении многих лет отстаивавших свое видение этой зеленой территории, стало вхождение общественного движения в Зеленую коалицию Петербурга. Это городская сеть, аккумулирующая усилия общественных организаций и множества инициативных групп, выступающих за сохранение зеленых зон.

Проект засыпки и застройки озера Харовое в Казани был отменен решением президента Республики Татарстан. Ко всему прочему активисты и чиновники провели краудфандинговую кампанию на дальнейшее благоустройство зеленой зоны. Тем не менее, по мнению регионального чиновника, ревитализируемая территория не получила охранный статус, который бы оградил ее от подобных проектов в будущем: «Но, значит, годы идут, граница пока что не в пользу парка» (Э4, ж., Казань).

Достигнутые активистами исходы конфликтного взаимодействия можно квалифицировать как «успех» в синхронной перспективе, который потенциально неустойчив в диахронной перспективе. Мы наблюдаем и иные последствия, такие как включение группы в общегородскую сеть, профессионализация активистов и пр.

«Успех», сопряженный со спорами о перспективах улучшения территории

Описанный выше эпизод вокруг озера Харовое также можно отнести к категории случаев, с одной стороны, закончившихся отменой предлагаемого вмешательства, а с другой — сопровождаемых разногласиями участников взаимодействия о перспективах улучшения обсуждаемой территории. Активисты вступили в конфликт с профессиональными экологами, которые настаивали на менее экологически инвазивном, но более дорогостоящем проекте благоустройства парка. Победила точка зрения лидера активистов и ее окружения, ратовавших за экономичный проект с использованием бетона. Этот случай оказал влияние на другие сопряженные городские объекты: вслед за Харовым в водный реестр были включены подобные городские пруды. Помимо этого, данный кейс связывают с последующим повышением внимания региональных чиновников к городским

конфликтам. В частности, был запущен мониторинг локальных недовольств граждан, которые следует превентивно предупреждать во избежание возникновения социальной напряженности в регионе.

Да, с гражданами стали более внимательно работать. Бюрократия разрослась благодаря чему? Что увеличили всяких контрольщиков и надзорщиков, их стало очень много. Они мониторят все сети, все форумы, все чаты. Они везде есть, они во всех, сидят во всех абсолютно вот этих, где движение есть, информационных разных группах. В общем, все социальные сети, все сайты, все форумы, все всякие там твиттеры, короче, все мониторится абсолютно. (Э4, ж., Казань)

Споры по поводу траекторий улучшения защищенной от нежелательного городского проекта территории возникли и у активистов, отстаивавших Березовую рощу в Москве. Одна часть выступала за первоначальный вид парковой зоны, тогда как другая — в пользу ландшафтного благоустройства.

В общем, успешно достаточно удалось отстоять территорию парка от застройки. И, в общем, добиться, чтобы в парке сделали парк. Другое дело — какой это парк. (А8, м., Москва)

Отменой проекта застройки закончился конфликт вокруг Горкинско-Ометьевского леса в Казани. Помимо сохранения лесопарковой зоны горожанам было предложено принять участие в партисипаторном проектировании будущего благоустройства территории. Однако ряд активистов вступили в конфликт с архитекторами и планировщиками и в конечном итоге остались не удовлетворены результатом реконструкции парка.

Это было пространство, в которое люди всегда приходили и проводили какие-то праздники и тусовки. И сейчас на этом месте я вот вижу просто столбы. То есть там нужно лавки поставить, чтобы люди там могли просто посидеть, поразговаривать. (А9, м., Казань)

Регулярно тренирующиеся в парке лыжники понесли потери: площадь помещений для их встреч на спортивной базе была сокращена. Вместе с тем эксперты и архитекторы, участвовавшие в проектировании парка, отмечают, что этот случай повлиял на трансформацию городской повестки. После успешного опыта совместного проектирования чиновники стали более открыты к мнению горожан. Постепенно начали создаваться условия и механизмы для более широкого участия граждан в планировочных процессах.

Ну, практики появились новые, появились семинары, какие-то разговоры с жителями, рабочие группы. Стали это делать. (Э5, ж., Казань)

Городскому движению удалось отстоять территорию спортивной площадки лица № 22 «Надежда в Сибири» от уплотнительной застройки. Однако среди активистов возникли споры по поводу видения обустройства оспоренной территории:

возводить ли на ней здание спортивного зала или же ограничиться благоустройством и сооружением площадки для физических упражнений. Одна из активисток столкнулась с выражено негативными биографическими последствиями (о таком виде последствий см. [McAdam, 1989; Bosi, Uba, 2009; Tilly, 1999]), в частности, речь идет о психологическом давлении на ее дочь в школе, которое возникло после обращения активистки по поводу застройки спортивной площадки этого среднего учебного заведения к федеральным чиновникам.

Ребенок, которого я в восьмом классе с того света выпросила, вымолила и на ноги поставила, и отдать его под каток системе просто потому, что мама что-то не то делала, мама дура <...>. Но я была неспособна оценить степень вот этой обратки, которая на меня полетела <...>. Мне казалось, что это же так очевидно: кран возле детей, трактора возле первоклашек. (А10, ж., Новосибирск)

Как мы видим на рассмотренных примерах, формально успешно закончившийся для горожан градостроительный конфликт нередко бывает сопряжен с дальнейшим недовольством и спорами в стане активистов и их лоббистов по поводу стратегий улучшения некогда оспариваемой территории. Такие кейсы имели омрачающие победу обстоятельства в виде сопутствующих издержек для одной из вовлеченных групп, в том числе выражено негативных биографических эффектов для активистов.

«Успех» с неоднозначными или негативными последствиями для объекта спора в будущем

Несколько случаев, связанных с защитой зданий и сооружений, завершились победой активистов, однако в дальнейшем эти объекты длительное время не использовались, разрушались и приходили в негодность, что можно считать негативным последствием. Например, защитники Тяговой подстанции № 11 (названной активистами «Блокадная подстанция») в Санкт-Петербурге предотвратили ее снос. Здание было признано мемориальным объектом, сохраняющим память о блокадном Ленинграде, и получило статус ОКН регионального значения. Этот случай вызвал цепную реакцию: охранный статус был присвоен нескольким аналогичным подстанциям, снабжавшим электроэнергией трамвайное сообщение во время блокады.

И в итоге вслед за этим оно потянуло за собой еще несколько зданий, которые тоже пришлось признать памятниками. (Э6, ж., Санкт-Петербург)

Тем не менее «успех», достигнутый здесь и сейчас в виде сохранения здания в первоизданном виде, оценивается как недостаточный в диахронной перспективе. Строение было передано на баланс государственной организации, совершенно не заинтересованной в дальнейшей его эксплуатации.

Большая половина, которая самая активная, громкая половина защитников считает, что то, что она досталась цирку, — это поражение. Надо, чтобы она была музеем блокады. И мы очень плотно работали с музеем на Соляном [Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда], пытаюсь добиться. (Э7, м., Санкт-Петербург)

В конечном счете «Блокадная подстанция», которая в глазах активистов должна была стать мемориальным музеем, пустовала, не получила требуемого ремонта и постепенно разрушалась.

Сходная ситуация произошла с Шуховской башней в Москве в 2012—2014 гг., являвшейся на тот момент ОКН регионального значения. Высотное строение — гиперболоидная металлическая башня авторства инженера Владимира Шухова находилась на балансе Министерства связи. Владелец принял решение демонтировать башню и перенести ее с Шаболовки в другое место. Защитники башни выступили резко против такой перспективы, ведь вследствие хрупкости сооружения оно могло не пережить разборку и быть безвозвратно утраченным. В результате активистам удалось защитить башню от демонтажа, она осталась на своем первоначальном месте. Этот случай, по мнению вовлеченных экспертов, имел широкий резонанс и оказал влияние на городскую повестку в будущем.

Федералы в это время попытались схамить с разборкой Шуховской башни. Федералы, ведомство связи. И тут мы ударили по рукам. То есть Шуховская башня просто стоит таким знаком в 2014 году. Но я бы сказал, что после покушения на статусные памятники и использование разных видов манипуляций стало в Москве как-то уже не принято. (38, м., Москва)

История, связанная с обсуждением ценности башни на Шаболовке и в целом наследия инженера Шухова, послужила площадкой для дальнейшего развития профессионального сообщества.

Запала от этой кампании хватило достаточно, еще на несколько лет вперед, чтобы какие-то архитектурные летние школы брали наши площадки. (A11, ж., Москва)

Последующая за сохранением история башни трактуется членами общественного движения и экспертами как неудачная. Хотя были проведены некоторые работы по консервации сооружения, башня продолжала подвергаться коррозии, ветшать и разрушаться, не получила требуемой реставрации и не была приспособлена под современные нужды. В 2022 г. башня была включена в перечень ОКН федерального значения. Это обстоятельство может в будущем выступить стимулом по запуску полноценной реставрации данного инженерного сооружения.

Итак, синхронной победе общественных движений в деле сохранения оспариваемого городского объекта и иным положительным эффектам, как включение объекта в перечень ОКН, может сопутствовать неудача в виде неоднозначных или даже негативных последствий для него в будущем.

Городские споры, закончившиеся реализацией градостроительного проекта

Семь попавших в нашу качественную выборку случаев градостроительных конфликтов закончились формальной «неудачей» для активистов. Однако, как и в ситуации с успешными для горожан спорными эпизодами, исход в форме реализации

предлагаемого проекта сопровождался комплексом иных результатов и последствий, которые рассмотрены в этом разделе.

«Проигрыш» с уступками городскому общественному движению

В ситуациях, когда активистам не удается достичь своей основной цели, а именно оградить территорию от нежелательного девелопмента, они могут добиться разного рода уступок [Amenta, Carruthers, Zylan, 1992] для городского сообщества, от имени которого они выступают. Клуб «Отдых» и Дом спорта были снесены, а зеленые насаждения на ул. Богдана Хмельницкого в Новосибирске вырублены в результате неудачного сопротивления этому горожан. Впрочем, после того как этот градостроительный спор закончился не в пользу инициативной группы, часть улицы получила дополнительный охранный статус.

Все-таки этот конфликт имел одно позитивное последствие: «Богданку» признали в определенных границах достопримечательным местом. (Э9, м., Новосибирск)

Это обстоятельство принесло дополнительные преимущества для улицы, что в дальнейшем положительно сказалось на ее сохранности, а также привлекло внимание местных чиновников, запустивших программу благоустройства. Активисты отмечают вероятное влияние конфликта по защите ул. Богдана Хмельницкого на подобные кейсы: *«Да, то есть нам не удалось ничего сделать, но люди в городе поняли, что надо заявлять» (А12, ж., Новосибирск).*

Уступок удалось добиться и защитникам парка «Швейцария» в Нижнем Новгороде, выступавшим против высоко инвазивного с их точки зрения благоустройства, которое было приурочено к празднованию 800-летия города. Несмотря на то, что запланированная реконструкция зеленой зоны в целом состоялась, региональные чиновники были вынуждены реагировать на возмущение горожан и экологов и в итоге воздвигнутые в «Швейцарии» строения не получили статус капитальных.

Это сарай. Неважно, что он двухэтажный, на бетонном фундаменте: это никого не волнует. Это сарай по бумагам, в реестре он не стоит. Бизнесу становится неинтересно лезть в территорию. (Э3, м., Нижний Новгород)

Конфликт по поводу возведения над территорией Канонерского острова в Санкт-Петербурге ЗСД закончился в пользу застройщиков: проект был воплощен в жизнь в своем первоизданном виде. Активистам не посчастливилось добиться и множества уступок, на предоставлении которых они настаивали. В частности, детский сад, над которым пролегла трасса, был введен в эксплуатацию, не была разрешена проблема с шумом в многоквартирных домах, возникающим от проезда машин по эстакаде. Единственное, чего достигли активисты, — это удовлетворение их запроса о вывозе нефтекокса, который был складирован вблизи жилых зданий. Участие в данном городском конфликте принесло негативные биографические издержки одной из активисток, о которой был опубликован репортаж в популярном городском СМИ.

Вызвали и сказали: «Мы тут прочитали про вас статью. Пишите заявление, пожалуйста, об уходе». Я говорю: «С чем это связано?», — «Вы знаете, вы, наверное, опасный человек». Я говорю: «Вы знаете, я у вас больше года работаю, я опасности вам не приносила как бы», — «Нам бы хотелось, чтобы у нас работали более спокойные люди». Вот так я осталась без работы. (А13, ж., Санкт-Петербург)

Исходя из анализа имеющихся эмпирических данных, можно заключить, что исходы, которые окончились не в пользу активистов, далеки от безоговорочной «неудачи». Скорее мы можем говорить о континууме между победой и поражением, важное место в котором занимают разного уровня и масштаба уступки — достижение групповых преимуществ в терминах Э. Аменты и М. Янга [Amenta, Young, 1999]. Эти преимущества могут быть предоставлены как здесь и сейчас — синхронно (в ходе конфликта или в результате его завершения), так и отсроченно — диахронно.

«Проигрыш» с выгодой для некоторых групп горожан

По итогам окончания градостроительного спора возможна ситуация, когда одна из вовлеченных во взаимодействие групп остается в выигрыше, тогда как другие группы, мнение которых репрезентирует городское общественное движение, проигрывают.

Усилия активистов, выступавших за сохранение хотя бы части Арских казарм в Казани, не увенчались «успехом»: строения комплекса были снесены, на их месте возвели масштабный жилой комплекс. Два здания, о сохранении которых была достигнута договоренность с застройщиком, разобрали, но так и не восстановили. Впоследствии телеграм-канал ключевого активиста приобрел широкую известность, причем пик подписок пришелся именно на этап освещения историко-архитектурных ценностей комплекса Арских казарм, а также динамики конфликта. Положительным последствием члены инициативной группы считают воспринимаемое ими повышение общей осведомленности граждан об историко-культурной ценности памятников архитектуры в городе [Gupta, 2009].

Можно уже с большей уверенностью говорить в защиту наследия. То есть то, что раньше мне казалось делом десяти, пятнадцати человек, сейчас уже, конечно, это дело касается всех. И сейчас это положительный итог. (А14, м., Казань)

Важно, что большинство горожан, которые проживали в корпусах казарм, не разделяли стремления активистов сохранить комплекс, поскольку рассчитывали на приобретение выгод от застройщика — заселения в новое, неаварийное жилье.

Горожане, жители Арских казарм, в сущности, оказались по ту сторону этого конфликта и выступали за снос, потому что застройщик им гарантировал жилье. А там состояние было ужасающее этих Арских казарм, действительно. Мы буквально сидели и составляли текст, призывали сохранять первую линию Арских казарм, но не было поддержки от горожан, и это все, эта история просто подвисла. (Э10, м., Казань)

Таким образом, благоприобретателями в ситуации сноса казарм оказались проживающие в их ветхих зданиях граждане, которые или не видели выражен-

ной историко-культурной ценности комплекса, или же, даже осознавая такую ценность, сделали выбор в пользу переезда.

Выступления жителей нескольких районов в Москве против проведения в местах их проживания крупной дорожной магистрали — Северного дублера Кутузовского проспекта — не привели к «успеху». В процессе городского спора застройщик принял решение перевести один участок дороги с Кунцево в Можайский район города, что вызвало активное протестное возмущение жителей последнего. В итоге резидентам Можайского района удалось одержать победу: трассировка была перенесена обратно в Кунцево, группа горожан этого района столицы проиграла.

В целом можно заключить, что некоторые участники городских конфликтов могут получить ситуативные выгоды от решений чиновников или представителей бизнеса, принятых не в пользу требований общественного движения и групп, которые оно представляет.

«Проигрыш» без уступок

Городское общественное движение может потерпеть полное поражение, когда проект реализуется в полном объеме без каких-либо уступок активистам.

Так произошло при противодействии расширению Молодежного проспекта в Нижнем Новгороде: проект был реализован без изменений, горожане не получили даже компенсационных мер в виде антишумовых экранов. Лидер движения сосредоточилась на формальных способах отстаивания позиции (обращения в официальные инстанции), что, по ее оценке, стало одним из факторов «неудачи». Инициативная группа оказалась деморализована и прекратила деятельность.

В итоге пришлось в суд идти мне одной, но мы иск подавали втроем. Два человека за компанию. Конечно, мы его проиграли именно по экспертизе, потому что экспертиза — это все. (А16, ж., Нижний Новгород)

«Неудачей» закончилась борьба защитников купеческих особняков — образцов каменного и деревянного зодчества на ул. Ильинской в Нижнем Новгороде, которые планировалось снести и построить на их месте новые высотные жилые здания. Как полный крах этот случай описывает ключевая активистка:

По сути, это наш проигрыш, потому что квартал уничтожили... То есть это несовершенство законодательства, но еще и коррупция к этому приводит. По сути, никаким правовыми путями мы не смогли эти дома оставить там тогда. (А17, ж., Нижний Новгород)

Единственный побочный эффект, которого удалось достичь активистам, безуспешно пытавшимся оградить дома на ул. Ильинской от разрушения, как и в случае с Арскими казармами, — это просвещение части горожан в области историко-культурной ценности местной архитектуры, а также накопление опыта оспаривания у ряда активистов.

Кооптация активистов

Институциональная кооптация активистов в органы власти традиционно оценивается социологами общественных движений как положительный результат

и свидетельство признания группы [Gamson, 1975; Mirowsky, Ross, 1981; Amenta, Carruthers, Zylan, 1992]. Хотя среди изученных кейсов таких случаев не было, эксперты описали в интервью подобные эпизоды из других городских споров. Оценки перехода активистов на государственные должности оказались неоднозначными: в одних случаях градозащитное сообщество воспринимало это как «успех», в других же бывший активист подвергался обструкции со стороны бывших соратников, предпочитавших дистанцироваться от органов власти, часто выступавших их оппонентами в городских конфликтах.

Ее сделали советником губернатора по вопросам культуры. Вот тут от нее отвернулась половина соратников. По понятным причинам. (Э7, м., Санкт-Петербург)

Активисты, перешедшие на государственные должности, сталкиваются с трудностями двойственного положения. Участники городских движений, сохранившие связи с кооптированным коллегой, могут корректировать тактику борьбы не в свою пользу.

Градозащитники не совсем понимали, собственно, протестовать или дружить, действовать, используя этот канал связи, скрыто действовать, передавать информацию, что происходит... И сама она оказалась в уязвимой ситуации, потому что вроде бы да, мне кажется, у нее очень непростая была ситуация, с одной стороны, градозащитница. С другой стороны, чиновница. (Э10, м., Казань)

Таким образом, институциональная кооптация активистов, согласно нашим эмпирическим данным, имеет скорее неоднозначную, далекую от сугубо положительной для бывшего активиста и градозащитного движения (группы его исхода) природу.

Заключение

Социологический анализ изученных случаев городских конфликтов подтверждает вывод исследователей общественных движений: лишь немногие исходы можно однозначно отнести к «успеху» или «провалу» активистов. Результаты оказываются многослойными и противоречивыми.

Случаи, завершившиеся отменой градостроительного проекта, обычно сочетают формальный «успех» с проблемными аспектами: (1) угрозами пересмотра достигнутого результата в будущем; (2) разногласиями внутри активистских команд по поводу дальнейших улучшений спорного объекта; (3) неоднозначными или негативными долгосрочными последствиями для территории. При этом активисты и представляемые ими сообщества могут оказаться в выигрыше, тогда как другие городские группы несут издержки от такого исхода.

Случаи реализации оспариваемого проекта также редко означают полное поражение: формальный «проигрыш» может сочетаться с (1) уступками со стороны властей или бизнеса; (2) частичными победами или выгодами для отдельных городских групп или части активистов. Лишь два изученных конфликта можно считать безусловной «неудачей» активистов.

Независимо от исхода, городские конфликты порождают прямые и косвенные последствия: включение инициативной группы в общегородскую сеть, влияние на развитие профессиональных сообществ, просвещение граждан, воздействие на биографии активистов, городскую повестку и другие случаи противостояния. Институциональная кооптация активистов, традиционно рассматриваемая социологами как положительный результат и признание движения, на практике имеет неоднозначную природу — как для самого перешедшего в органы власти активиста, так и для градозащитного движения в целом.

Ограничением данного исследования выступает тип имеющихся эмпирических материалов, а именно интервью, в которых информанты ретроспективно рассуждают о прошедших событиях. Выводы, сделанные по поводу воздействия окончившихся городских споров на сопряженные с ним конфликтные эпизоды, на городскую политическую повестку и пр. не представляют собой суждение о строгой казуальности, поскольку основаны на риторических представлениях участников взаимодействия и экспертов. Поэтому мы можем только гипотетически судить о влиянии городских конфликтных эпизодов на иные случаи и общественные сферы. Ценным научным знанием, оставшимся за рамками данной статьи, выступило бы выяснение непосредственных причин и факторов, которые обусловили специфику того или иного исхода, а также комплексов результатов и последствий городских споров.

Список литературы (References)

1. Аксенов К. Э., Галустов К. А. Городские режимы и общественно значимые проекты трансформации городской среды в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Т. 68. № 1. С. 4—28. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.101>.
Axenov E. K., Galustov K. A. (2023) Urban Regimes and Socially Significant Projects of the Urban Environment Transformation in the Russian Federation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*. Vol. 68. No. 1. P. 4—28. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.101>. (In Russ.)
2. Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 362—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>.
Belousov A. B., Davydov D. A. (2021) From the Right to the City to the Right to Space. Dynamics of Municipal Conflicts on the Example of the Sverdlovsk Region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 362—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>. (In Russ.)
3. Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. Городские пространственные конфликты в Новосибирске: изучение общей динамики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 292—314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2520>.

- Belousov A. B., Davydov D. A. (2024) Urban Spatial Conflicts in Novosibirsk: Studying General Dynamics. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 292—314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2520>. (In Russ.)
4. Галустов К. А. Влияние городского режима на трансформацию городского пространства Санкт-Петербурга в XXI веке (на примере экологических и экокультурных конфликтов) // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 167—191. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-12-167-191>. Galustov K. A. (2023) Impact of the Urban Regime on the Urban Spatial Transformation of Saint Petersburg in the 21st Century (On the Example of Ecological and Eco-Cultural Conflicts). *Administrative Consulting*. No. 12. P. 167—191. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-12-167-191>. (In Russ.)
 5. Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 239—252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252>. Glukhova A. V. Kolba A. I., Sokolov A. V. (2021) Strategies of Urban Communities in Conflict Processes (A Case Study of Russia's Large Regional Centers). *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 239—252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252>. (In Russ.)
 6. Семенов А. В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 29—37. <https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3>. Semenov A. V. (2019) The Roots of The Grass: Patterns of Grassroots Mobilization in Russia. *Sociological Studies*. No. 12. P. 29—37. <https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3>. (In Russ.)
 7. Семенов А. В., Минаева Э. Ю. Количественный анализ эпизодов городских конфликтов в России // Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / отв. ред. Е. В. Тыканова. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 13—39. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>. Semenov A. V., Minayeva E. Y. (2021) Quantitative Analysis of Episodes of Urban Conflicts in Russia. Moscow; St. Petersburg: FCTAS RAS. P. 13—39. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>. (In Russ.)
 8. Семенов А. В. Процессуальность городских конфликтов: анализ последовательностей оспаривания проектов трансформации городского пространства в России // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2. С. 120—146. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-120-146>. Semenov A. V. (2024) Proccesuality of Urban Conflicts: Sequence Analysis of Urban Contention in Russia. *Russian Sociological Review*. 2024. Vol. 23. No. 2. P. 120—146. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-120-146>. (In Russ.)

9. Семенов А. В., Снарский Я. А., Ткачева Т. Ю. Динамика и кросс-региональная вариация экологической протестной активности россиян (2007—2021) // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 62—74. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010069>.
Semenov A. V., Snarsky Y. A., Tkacheva T. Y. (2024) Temporal and Cross-Regional Variance in Environmental Protest Activity of Russians (2007—2021). *Sociological Studies*. No. 2. С. 62—74. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010069>. (In Russ.)
10. Скалабан И. А., Лобанов Ю. С., Сергеева З. Н., Волченко С. Ю. «Уровень опасений зашкаливает!»: как изменения становятся триггерами городских конфликтов. Кейс г. Новосибирска // Социология власти. 2023. Т. 35. № 1. С. 190—218. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-190-218>.
Skalaban I. A., Lobanov Y. S., Sergeeva Z. N., Volchenko C. Y. (2023) 'The Level of Fears Is off the Scale!': Triggers of Urban Conflicts in the Context of Municipal Management (Novosibirsk Case Study). *Sociology of Power*. Vol. 35. No. 1. P. 190—218. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-190-218>. (In Russ.)
11. Amenta E., Carruthers B. G., Zylan Y. (1992) A Hero for the Aged? The Townsend Movement, The Political Mediation Model, and US Old-Age Policy, 1934—1950. *American Journal of Sociology*. Vol. 98. No. 2. P. 308—339. <https://doi.org/10.1086/230010>.
12. Amenta E., Polletta F. (2019) The Cultural Impacts of Social Movements. *Annual Review of Sociology*. Vol. 5. No. 1. P. 279—299. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073018-022342>.
13. Amenta E., Young M. P. (1999) Making an Impact: Conceptual and Methodological Implications of the Collective Goods Criterion. *How Social Movements Matter*. Vol. 10. P. 22—41.
14. Bosi L., Uba K. (2009) Introduction: The Outcomes of Social Movements. *Mobilization*. Vol. 14. No. 4. P. 409—415. <https://dx.doi.org/10.17813/maiq.14.4.m1408k812244744h>.
15. Earl J. (2000) Methods, Movements, and Outcomes. *Research in Social Movements, Conflicts and Change*. Vol. 22. P. 3—25. [https://doi.org/10.1016/S0163-786X\(00\)80033-6](https://doi.org/10.1016/S0163-786X(00)80033-6).
16. Gamson W. A. (1975) *The Strategy of Social Protest*. Homewood, AL: Dorsey.
17. Giugni M. G. (2008) Political, Biographical, and Cultural Consequences of Social Movements. *Sociology Compass*. Vol. 2. No. 5. P. 1582—1600. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2008.00152.x>.
18. Giugni M. G. (1998) Was It Worth the Effort? The Outcomes and Consequences of Social Movements. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. No. 1. P. 371—393. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.371>.

19. Giugni M., Bosi L., Uba K. (2013) Outcomes of Social Movements and Protest Activities. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/OBO/9780199756223-0037>.
20. Gupta D. (2009) The Power of Incremental Outcomes: How Small Victories and Defeats Affect Social Movement Organizations. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 14. No. 4. P. 417—432. <https://doi.org/10.17813/maiq.14.4.mw77710825j7g023>.
21. McAdam D. (1989) The Biographical Consequences of Activism. *American Sociological Review*. Vol. 54. P. 744—760. <https://doi.org/10.2307/2117751>.
22. Mirowsky J., Ross K. (1981) Protest Group Success: The Impact of Group Characteristics, Social Control, and Context. *Sociological Focus*. Vol. 14. No. 3. P. 177—192. <https://doi.org/10.1080/00380237.1981.10570394>.
23. Passy F., Monsch G. A. (2018) Biographical Consequences of Activism. In: *The Wiley Blackwell Companion to Social Movements*. Hoboken: John Wiley & Sons Ltd. Published. P. 499—514. <https://doi.org/10.1002/9780470999103>.
24. Tilly Ch. (1999) From Interactions to Outcomes in Social Movements. *How Social Movements Matter*. Vol. 10. P. 253—270.